

А. В. АНИКИН

ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

НОВАЯ ФАЗА ВАЛЮТНОГО КРИЗИСА

В 1973—1974 гг. валютный кризис капитализма¹ вступил в новую фазу, имеющую ряд специфических особенностей. Мощная вспышка кризиса произошла в феврале — марте 1973 г. Ослабление позиций американского доллара в мировой экономике, падение доверия к нему, огромный дефицит торгового и платежного баланса США были главными факторами, определившими очередную волну кризиса. Правительство США второй раз на протяжении 14 месяцев провело девальвацию доллара, понизив на 10% его золотое содержание и соотношение с новой, введенной в 1970 г. единицей международных денег (специальных прав заимствования, так называемых СДР). Одним из последствий этой меры было окончательное крушение системы твердых валютных паритетов и всеобщее распространение «плавающих курсов», которые постоянно колеблются на рынке без каких-либо заранее фиксированных пределов. В Западной Европе сложился блок стран во главе с ФРГ, которые поддерживают почти неизменные взаимные соотношения своих валют, координируя их с курсом доллара и других валют. Однако такие крупнейшие страны «Общего рынка», как Англия, Италия, а с января 1974 г. также и Франция, в этой системе не участвуют и осуществляют индивидуальное «плавание» своих валют.

Сложная система регулирования курсов западноевропейских валют функционирует с большими трудностями и срывами. Резкие колебания курсов неблагоприятно влияют на международную торговлю и другие формы экономических связей. Один из западных финансовых экспертов дал такую оценку ситуации 1973 г. и таящихся в ней опасностей: «Валютная ситуация угрожает породить такой хаос, что международная торговля и движение капитала могут существенно сократиться, что приведет к депрессии, и одним из результатов этого будет прекращение выплат некоторыми слаборазвитыми странами по их еврозаймам². Несколько банков могут оказаться под угрозой банкротства, а последующий крах рынка евродепозитов³ потянет за собой многие другие банки. Не хотелось бы верить в этот сценарий, но имеются все данные, что центральные банки и правительства чувствуют себя теперь довольно беспомощными и не знают, как остановить нынешний хаос»⁴. В середине

¹ См. А. В. Аникин. Послевоенная валютная система капитализма и ее современный кризис. — «Новая и новейшая история», 1972, № 5.

² Еврозаймы — займы, полученные в различных валютах на международном западноевропейском рынке капиталов.

³ Евродепозиты — депозиты (вклады) одних западноевропейских банков в другие.

⁴ «Euromoney», August 1973, p. 36.

1974 г. в связи с банкротством крупного частного западногерманского банка Герштатта эта угроза стала еще реальнее.

Новый этап валютных трудностей тесно связан с энергетическим кризисом, охватившим капиталистический мир. Предпосылки этого специфического явления капиталистической экономики складывались на протяжении ряда лет. Крупнейшие нефтяные монополии, объединившиеся в мощный международный картель, в 60-х годах поддерживали относительно низкие цены на нефть, добываемую ими в странах Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки. Благодаря грабительской системе низких отчислений развивающимся странам, на чьей территории добывалась нефть, нефтяные компании и при этих ценах получали много-миллиардные прибыли. Низкие цены на нефть обеспечивали им неуклонный гарантированный рост рынков сбыта, поскольку в связи со сложившейся структурой цен происходило быстрое вытеснение угля нефтью и природным газом в топливно-энергетических балансах большинства стран. В государствах Западной Европы уголь составлял в 1960 г. 61% потребленного топливно-энергетического сырья, а в 1970 г. — только 29%. Для Японии соответствующие цифры составляли 55% и 23%.

Американские нефтяные монополии не расширяли добычу нефти в США, где она обходится значительно дороже, чем в заокеанских странах. Правительство США в течение многих лет удерживало цены на природный газ на искусственно низком уровне, что поощряло его потребление и ограничивало производство газа и разработку месторождений. Энергетический кризис стимулировал разработку долгосрочных программ обеспечения страны энергией, однако первые результаты этих программ могут оказаться лишь через годы.

Указанные сдвиги в энергетическом балансе капиталистических стран протекают в обстановке важных и необратимых процессов в международных отношениях. Укрепляется политическая и экономическая независимость многих развивающихся нефтедобывающих стран. В Алжире, Ираке, Сирии, Египте, Ливии проведена национализация собственности иностранных нефтяных монополий, активизируется деятельность государственных компаний. Нефтедобывающие страны создали свои международные организации, успешно борются за ликвидацию эксплуататорской системы концессионных соглашений, в значительной мере взяли в свои руки установление цен на нефть. Энергетический кризис в промышленных капиталистических странах есть одновременно кризис отжившей свой век империалистической нефтяной политики.

Вспышка энергетического кризиса во второй половине 1973 г. была связана с рядом конкретных особенностей экономической ситуации. С конца 1971 г. экономика развитых капиталистических стран вступила в фазу оживления, перешедшего в своеобразный бум. Это вызвало рост спроса на многие сырьевые товары. Производство некоторых видов минерального сырья, металлов и продовольствия отставало от спроса. Произошло резкое повышение цен на товары такого типа. Это «подлило горючего» в костер инфляции, темпы которой во всех развитых капиталистических странах резко возросли. Валютный кризис тоже внес свой вклад в эти процессы. Неопределенность и хаос на валютных рынках способствовали волне «страховочного» и спекулятивного спроса на сырье с целью создания запасов. Обесценение доллара, являющегося по традиции основной валютой расчетов за нефть, побуждало нефтедобывающие страны пересматривать цены на нее в сторону их повышения.

В октябре 1973 г. нефтедобывающие страны использовали поставки нефти как политическое оружие в борьбе за справедливое разрешение ближневосточного конфликта. В связи с нехваткой жидкого топлива и валютных ресурсов для оплаты импорта сильно подорожавшей нефти произошло переплетение энергетического и валютного кризисов. Валютные трудности, связанные с повышением цен на импортируемую нефть, охватили весь

капиталистический мир. Для многих государств Западной Европы доля импортируемой нефти превышает 90% их потребностей в этом виде сырья, а Япония практически полностью зависит от внешних поставок. Поэтому рост цен на нефть ухудшил платежные балансы этих стран.

Изменилось положение доллара на международных валютных рынках. США значительно меньше зависят от импортной нефти, чем Западная Европа и Япония. Для их платежного баланса бремя энергетического кризиса оказалось более легким. В связи с резким увеличением спроса на доллары курс американской валюты с лета 1973 г. стал повышаться. Все это на первый взгляд было на руку США. Но, в действительности, дело обстояло не так просто. С повышением курса доллара американские экспортные компании теряют те конкурентные преимущества, которые они получили от двукратной девальвации доллара и удорожания иностранных валют. Как это нередко бывает, одни круги в США заинтересованы в повышении курса доллара (в частности, нефтяные монополии), другие — в его понижении.

В новых условиях предъявленные Соединенными Штатами своим партнерам требования шире открыть рынки для американских товаров наталкиваются на еще большее сопротивление, чем раньше. Переговоры о снижении барьеров в международной торговле, новый «раунд» которых начался официально в 1973 г., фактически не достигли никакого прогресса в разрешении обсуждавшихся на них проблем. Значение энергетического кризиса заключается, в частности, в том, что он затруднил проведение многих мер по линии коллективного государственно-монополистического регулирования международных экономических отношений. Фактором неустойчивости валютной системы является переход больших масс долларов из фондов стран Западной Европы, Японии и некоторых развивающихся стран к нефтедобывающим государствам. Эти доллары, суммы которых исчисляются миллиардами, а в ближайшие годы будут исчисляться десятками миллиардов, кочуют по денежным рынкам, ищут выгодного приложения. В то же время валютное положение основной массы развивающихся стран остается чрезвычайно напряженным.

ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Развитие и формы валютного кризиса обостряют проблему реформы валютной системы капитализма. Ее необходимость в течение ряда лет широко признается на Западе. Дело в том, что так называемая бреттон-вудская система (по названию городка в США, где происходила в 1944 г. международная валютная конференция) ныне существенно подорвана, а многие ее элементы перестали существовать.

Нынешний момент, с одной стороны, благоприятен для более или менее радикальной реформы бреттон-вудской системы, поскольку необходимость замены действующего в настоящее время «временного» порядка чем-то более прочным толкает капиталистические страны на путь дальнейшего развития коллективного государственно-монополистического регулирования в валютной сфере. С другой стороны, обстановка кризиса и острых конфликтов затрудняет новые решения, которые требуют от империалистических государств далеко идущих компромиссов. Переговоры последних лет протекали под знаком этих тенденций.

В длительной эволюции международной валютной системы капитализма бывают этапы закрепления и юридической кодификации тех изменений, которые назрели и выявились в ходе стихийного развития с его противоречиями и конфликтами. Таким этапом была разработка и введение в действие в 1944—1946 гг. бреттон-вудской системы, которая в известной степени соответствовала потребностям экономического развития мирового капитализма после второй мировой войны. Кризис последних лет отражает тот факт, что эта система во многом изжила себя, перестала отвечать

экономическим и политическим реальностям нынешней стадии развития. Можно думать, что в настоящее время в развитии валютной системы капитализма наступил переломный этап, имеющий известное сходство с периодом формирования бреттон-вудской системы.

Опыт показывает, что радикальные изменения в валютной системе не происходят за одни сутки, хотя иной раз события могут создавать подобное впечатление. В развитии этой системы имеется огромная сила инерции и преемственности. Каждый новый этап эволюции связан с предшествующим и всегда сохраняет очень многие его черты. К примеру бреттон-вудская система, при всей ее новизне, вместе с тем во многом лишь «узаконила» уже сложившееся к тому времени положение в международной валютной сфере. Таким образом, ныне ставший фактом подрыв этой системы не означает ликвидации всех ее основных элементов. Эти элементы модифицируются, приспосабливаются, но продолжают, как правило, существовать. Нынешний «переходный» порядок сохраняет ближайшее родство с бреттон-вудской системой. Можно не сомневаться, что и реформа, если соглашение о ней будет достигнуто, будет базироваться на многих прежних принципах и представлять собой лишь их развитие и приспособление к новым условиям.

Происшедшие изменения не могли, естественно, принципиально изменить объем и структуру резервов международных платежных средств, состоявших из трех компонентов: золота, национальных резервных валют (в основном долларов) и интернациональных резервов (СДР и ресурсов Международного валютного фонда). Изменилась лишь форма их функционирования. Реальное движение золота между централизованными запасами различных стран приостановилось. Хотя доллар утратил прямую связь с золотом, роль его как главной резервной валюты сохранилась и в новых условиях. Ликвидация этой роли сопряжена с длительным и трудным процессом. Заметные изменения произошли в области порядка установления и уровня валютных курсов. «Плавающие» курсы вошли в практику международных экономических отношений. Тем не менее действующий порядок сохраняет опять-таки многие черты прежней системы, особенно постоянную интервенцию центральных банков на валютном рынке с целью ограничения колебаний курсов и недопущения чрезмерно больших колебаний. На региональной основе (в пределах Западной Европы) усилились тенденции к совместным действиям ряда стран по регулированию валютных курсов.

В рамках будущей реформы, очевидно, нет возврата к жесткости прежней системы паритетов и курсов. Но, с другой стороны, имеющиеся проекты реформы предусматривают в основном твердые паритеты, отличие которых от бреттон-вудских должно заключаться лишь в большей легкости и автоматизме их изменений и в более широких пределах колебаний рыночных курсов. При известных частных ограничениях и изменениях взаимная обратимость валют главных капиталистических государств и принципы многосторонних расчетов остались в основном неизменными и не должны существенно измениться в случае проведения реформы. Валютный кризис последних лет, с одной стороны, обнаружил ограниченность возможностей, ресурсов и роли Международного валютного фонда (МВФ). С другой стороны, эта организация ужеочно укоренилась и закономерно обеспечила те институциональные рамки, в которых разрабатывается реформа. Какова бы ни была дальнейшая эволюция системы капитализма, она, несомненно, будет тесно связана с функционированием МВФ.

ПРОЕКТЫ И СОГЛАШЕНИЯ 60-Х ГОДОВ

Вопрос о реформе валютной системы имеет свою историю. В 60-х годах международная валютная проблема заняла важное место в экономической политике главных капиталистических стран. Если для стран Западной

Европы эти вопросы были традиционно важными, то для США такое положение было в известной степени новым. Как отмечал американский экономист (ныне лауреат Нобелевской премии) П. Самуэльсон, в течение четверти века — с 1933 по 1958 г. — экономическая политика США была практически полностью свободна от ограничений, налагаемых платежным балансом, поскольку он был почти неизменно активен. «Теперь, — писал Самуэльсон, — этот медовый месяц давно миновал. У нас тоже есть проблема платежного баланса»⁵. Позже проблема платежного баланса США переросла в кризис доллара, который стал важнейшей составной частью кризиса всей валютной системы капитализма.

Ослабление послевоенной валютной системы сразу стало очевидным для буржуазных экономистов и практиков. Перелом в этой области произошел приблизительно на рубеже 50-х и 60-х годов. В 1958 г. МВФ опубликовал исследование «Международные резервы и ликвидность», в котором утверждалось, что валютная система действует вполне удовлетворительно, резервы и структура международных валютных резервов и перспективы в этой области благоприятны⁶. Образование больших дефицитов платежного баланса США в 1958—1960 гг., уменьшение доверия к доллару, усилившийся уход золота в сферу частного накопления и другие факторы вызвали почти всеобщий сдвиг во взглядах на валютную проблему. Большое значение имело то, что конец 50-х и начало 60-х годов были периодом низких темпов роста экономики США, а государственные меры, направленные на повышение темпов и увеличение занятости, наталкивались на трудности платежного баланса. Американские экономисты стали утверждать, что решение проблемы платежного баланса США надо искать на путях увеличения гибкости в международной валютной системе. Такое решение могло позволить США постепенно изживать дефицит, используя международный кредит в более гибких и безопасных формах, чем накопление иностранными банками долларовых резервов, подлежащих конверсии в золото.

Поисками улучшения валютной системы занялись и экономисты других стран. Проблема платежного баланса США и устойчивости доллара имеет важнейшее значение для всех капиталистических государств. Подрыв послевоенной валютной системы опасен для каждой страны. Вместе с тем интересы английского, французского, западногерманского монополистического капитала во многом специфичны и противоположны, что не могло не наложить отпечатка на разработку проектов мировой валютной реформы экономистами этих стран. Уже в 1960—1963 гг. было предложено большое число различных проектов усовершенствования мировой валютной системы. Самуэльсон разделил их условно на три группы. Первая группа выступает за всеобщее и значительное повышение официальной цены золота в бумажных деньгах, прежде всего в долларах. Вторая — поддерживает отказ от системы твердых паритетов и введение валютных курсов, свободно колеблющихся под влиянием спроса и предложения на рынке. Третья — требует замены золота и национальных резервных валют каким-то видом интернациональных резервных средств (международных банковских денег), которые выпускались бы под международным контролем и в соответствии с потребностями мирового хозяйственного оборота. Самуэльсон отмечал, что имеется также ряд вариантов, комбинирующих в той или иной форме элементы этих основных концепций⁷. В специальной работе, посвященной реформе международной валютной системы, американский экономист Ф. Махлуп добавляет к трем группам, выделенным Самуэльсоном, еще две частные группы, которые предусматривают меры, не вносящие принципи-

⁵ P. A. Samuelson. Economics. An Introductory Analysis. New York, 1967, p. 690.

⁶ «International Reserves and Liquidity. A Study by the Staff of the International Monetary Fund». Washington, 1958.

⁷ P. A. Samuelson. Op. cit., p. 697.

альных изменений в действующую систему, а предусматривающие лишь развитие уже наметившихся тенденций (расширение круга резервных валют и увеличение взаимной кредитной поддержки центральных банков)⁸.

Следует отметить, что развитие валютного кризиса в известной мере навязало международной валютной системе изменения, совпадающие в своих основных чертах с этими проектами. Официальная цена золота в долларах в итоге двух девальваций доллара повысилась более чем на 20%. «Плавающие курсы» стали характерной чертой системы. Эти изменения произошли, однако, не в результате тщательной подготовки, а в обстановке острой вспышки кризиса, под давлением непреодолимых стихийных сил. Кроме того, указанное повышение цены золота совершило недостаточно, чтобы сколько-нибудь существенно изменить его статус как подлинных мировых денег и повысить его «эффективность» в этой функции.

Наибольший теоретический и практический интерес имеют те проекты реформы, которые предусматривают в той или иной форме централизацию (интернационализацию) валютных резервов и процесса их создания. Теоретической основой этих проектов является преобладающая в современной буржуазной экономической науке кейнсианская и неокейнсианская концепция, которая исходит из необходимости активного государственного вмешательства в экономику для обеспечения приемлемых темпов роста производства и занятости. Так, Самуэльсон выдвигает перед системой международных валютных отношений важнейшую задачу — обеспечить с внешнеэкономической стороны условия, при которых буржуазное государство могло бы эффективно и беспрепятственно проводить в хозяйстве политику выравнивания цикла, поддержания темпов роста и занятости. Эта цель должна иметь безусловный приоритет перед собственно внешневалютными соображениями. Самуэльсон отвергает старый золотой стандарт как основную форму денежной и валютной организации, потому что он требовал для своего действия автоматизма и невмешательства государства. В современных условиях экономически и социально немыслимо то дефляционное снижение общего уровня цен, денежных издержек и особенно заработной платы, которого требовали от стран, имеющих дефицит, как теория выравнивания платежного баланса, связанная первоначально с именами Юма и Рикардо, так и обычная до 30-х годов XX в. практика. С этих позиций он оценивает МВФ и оформившуюся с его созданием мировую валютную систему как большой прогресс в совершенствовании механизма капиталистической экономики. МВФ, пишет Самуэльсон, «надеется обеспечить преимущества золотого стандарта без его недостатков; валютные курсы должны быть относительно стабильны, но международное сотрудничество должно заменить прежний автоматический механизм; страны должны быть также избавлены от необходимости принимать меры, которые втянули бы их в дефляцию с сопутствующей ей массовой безработицей»⁹. Естественно, по мнению Самуэльсона и очень многих экономистов, взгляды которых он разделяет, дальнейшее развитие должно идти по линии роста и улучшения системы МВФ.

В современных странах развитого капитализма важнейшую роль в антициклических мероприятиях и стимулировании экономического роста играет кредитно-денежная политика, опирающаяся на централизованную и эластичную банковскую систему. Известная стабильность и гибкость современных кредитных систем в развитых капиталистических государствах достигается в значительной мере благодаря обязательной централизации резервов коммерческих банков в виде их депозитов в центральных эмиссионных банках и благодаря активной кредитной политике последних. Возникла и утвердилась идея о перенесении этого опыта в сферу между-

⁸ Ф. Махлуп. Планы перестройки международной валютной системы. М., 1966, стр. 52—53 и сл.

⁹ P. A. Samuelson. Op. cit., p. 687.

дународных валютных отношений. Махлуп пишет, что «централизацию резервов национальных банков многие считают наилучшим разрешением валютных проблем нашего времени, а некоторые — даже неизбежным результатом развития событий»¹⁰.

В самой радикальной форме эта идея приводит к тому, что центральные банки национальных государств должны целиком отказаться от хранения своих международных резервов как в золоте, так и в валютах других стран, а все резервы должны храниться в виде депозитов (записей на счетах) в каком-то мировом сверхбанке. Этим обеспечивалась бы стабильность системы и ее независимость как от золота, так и от сомнительных национальных валют. Ее гибкость, эластичность обеспечивались бы, с одной стороны, тем, что центральные банки могли бы получать «подкрепление» от сверхбанка путем зачисления на их счет дополнительных резервов (подобно тому, как коммерческие банки кредитуются в центральном банке). С другой стороны, сверхбанк мог бы сам активно выступать на мировом денежном рынке, покупая и продавая безусловные обязательства национальных правительств и международных финансовых организаций (это было бы известной аналогией операций на открытом рынке, проводимых национальными центральными банками). В результате такого рода операций создавались бы валютные резервы. На этой общей основе возможно большое количество вариантов и технических способов. Поскольку столь радикальная реформа явно наталкивается на большие трудности и конфликты интересов, ее сторонники разрабатывают различные компромиссные проекты, предусматривающие более осторожный отход от нынешней системы.

В основе большинства проектов реформы международной валютной системы неизменно повторяется идея о том, что эта система должна быть достаточно гибкой и регулируемой, чтобы способствовать экономическому росту и противодействовать возникновению торгово-промышленных кризисов. В связи с этим, как правило, меньшая роль в валютной системе отводится золоту, воплощающему в себе стихийные механизмы регулирования.

Еще Дж. М. Кейнс, который считается на Западе одним из крупнейших экономистов XX в., выступал за уменьшение роли золота в финансировании международных расчетов и в валютных резервах, за создание более гибкого механизма международного кредита и интернациональных валютных резервов. Он считал, что в этом случае валютные факторы не мешали бы каждому государству проводить через бюджет и банки политику «полной занятости». В 1943 г. Кейнс выдвинул проект Международного клирингового союза в противовес американскому плану создания Международного валютного фонда. Его проект был в значительной мере продолжен положением Англии, оказавшейся к концу второй мировой войны с оскудевшим золотым запасом. Вместе с тем идеи Кейнса отражали определенные объективные тенденции развития мирового капитализма. Он писал: «Нам нужно такое количество международных денег, которое определялось бы не столь непредсказуемыми и побочными факторами, как, например, технический прогресс в золотодобыче, и не было бы подвержено большим колебаниям в зависимости от золото-резервной политики отдельных стран. Надо, чтобы это количество устанавливалось, исходя из действительных текущих потребностей мировой торговли, а также, чтобы его можно было сознательно расширять и сокращать с целью противодействия дефляционным и инфляционным тенденциям в эффективном мировом спросе»¹¹.

В 40-х годах идеи Кейнса были мало приемлемы для правящих кругов США. В то время Америка обладала огромным золотым запасом, значи-

¹⁰ Ф. Махлуп. Указ. соч., стр. 83.

¹¹ Цит. по: R. Leachman. The Age of Keynes. A Biographical Study. Harmondsworth, 1969, p. 153.

тельно превосходящим золотые запасы всех остальных капиталистических государств, вместе взятых. Ослабление «золотой дисциплины» было ей невыгодно, так как другие страны попытались бы использовать гибкий и широкий интернациональный кредит, которым Кейнс предлагал заменить резервы золота, для покрытия своих дефицитов в расчетах с США. В результате бреттон-вудская система закрепила за золотом весьма важную роль, а доллар стал выступать как своего рода «дубликат» золота.

В конце 50-х и начале 60-х годов Р. Триффин «американизировал» идеи Кейнса и выступил со своим планом реформы международной валютной системы. «План Триффина» не был единственным проектом международной валютной системы на неокейнсианских началах. Однако он отличался наибольшей четкостью, вследствие чего получил наибольшую известность. Одна из сторон этого плана заключалась в том, чтобы уменьшить роль золота в валютной системе и одновременно вывести доллар из-под удара путем создания своего рода мирового сверхбанка, который постепенно сосредоточил бы золотые запасы капиталистических стран и заменил бы активы иностранных государств в долларах «международными деньгами» в виде депозитов на счетах в этом сверхбанке.

При этом Триффин исходил из того, что при отсутствии специального планирования растущий недостаток мировых резервов может привести за сравнительно короткий период к новому циклу международной дефляции, девальваций и ограничений, как это было после 1929 г.¹². Заметим, что события 1967—1974 гг. отчасти подтвердили оценки Триффина, хотя дело и не дошло до потрясений, подобных кризису 1929—1933 гг.

Суть плана Триффина состояла в том, что все активы в национальных валютах, т. е. большей частью в долларах и фунтах стерлингов, должны быть заменены активами на счетах в МВФ. «Средства на этих счетах должны быть во всех отношениях эквивалентными золоту и столь же широко использоваться и приниматься в международных платежах»¹³. По идее Триффина, в дополнение к золоту из новой добычи мировые валютные резервы должны увеличиваться в результате операций преобразованного и расширенного МВФ, который стал бы подобием мирового центрального банка.

Эмиссия резервов МВФ означала бы, что валютные резервы стран-членов будут все в большей мере сосредоточиваться на их депозитных счетах в Фонде, выраженных в какой-то международной валюте с гарантированным золотым содержанием. Триффин предлагает, чтобы первоначально страны-члены обязались хранить в этой форме определенную долю (20%) своих резервов. Затем норма может быть повышена. Когда же опыт покажет преимущества новой формы резервов, страны станут добровольно держать свои резервы в МВФ, что приведет к созданию единственной формы международных резервов.

Эмиссия дополнительных валютных резервов будет производиться Фондом прежде всего для кредитования стран с дефицитом платежного баланса посредством зачисления известной суммы резервов на счет страны в МВФ. На межправительственных переговорах, связанных с реформой валютной системы, ключевое значение приобрел вопрос о размерах, сроках и условиях этого кредитования. Ведь право на дополнительные средства в депозитах МВФ, создаваемых Фондом «из воздуха» путем простой бухгалтерской записи, означает право получения тем или иным государством реальных ценностей от стран, которым взамен будет произведен платеж депозитами. Таким образом данное государство получает возможность покрывать дефицит платежного баланса ничего не стоящей бумагой. Не трудно заметить, что такая схема в какой-то мере отражает

¹² R. Triiffin. Gold and the Dollar Crisis (1960).— «World Monetary Reform. Plans and Issues». Stanford, 1963, p. 37.

¹³ Ibid., p. 38.

практику США за последние годы, поскольку они оплачивали свои дефициты посредством увеличения краткосрочной задолженности другим странам.

В этой части план Триффина страдает некоторой неопределенностью. С одной стороны, кредиты будущего расширенного МВФ в соответствии с его утверждениями должны предоставляться примерно на тех же условиях, на каких ведутся операции теперь, т. е. с жестким контролем и по особому соглашению в каждом отдельном случае. С другой стороны, Триффин, следя Кейнсу, намечает возможность получения кредитов на менее жестких условиях. Тем самым он пытается определить какой-то средний путь между осторожным консерватизмом и чрезмерной гибкостью, которая может привести к опасной инфляционной кредитной экспансии.

Общее направление валютной политики США в период переговоров о создании в качестве «мировых денег» СДР отвечало духу идей Триффина, «освобожденных» от чрезмерных претензий и приспособленных к конкретной ситуации и расстановке сил на международной арене. Однако действительные масштабы и формы внедрения СДР в мировую валютную систему далеко отстоят от проекта Триффина.

Ограниченностю системы СДР по сравнению с планами теоретиков, в частности американских, объясняется рядом причин. С одной стороны, правительство США не могло всерьез принять предложения, предусматривающие сокращение, а в конечном счете ликвидацию резервных функций доллара и роли США как мирового банкира. Необходимость передать «мировому банку» значительную часть и без того резко уменьшившегося золотого запаса США не могла устраивать правительство. С другой стороны, при обсуждении плана СДР США выступили за то, чтобы страны с дефицитом платежного баланса могли использовать СДР относительно свободно и широко, а страны с активным балансом должны были безоговорочно принимать их. Такая позиция в значительной мере являлась отражением того, что США уже много лет имеют пассивный платежный баланс. Но эта позиция выражала и длительную стратегию США в области валютной политики, направленную на уменьшение роли золота и создание валютной системы, более гибко обслуживающей экономику мирового капитализма.

Соглашение о СДР есть итог компромисса, особенно между США и Францией, выступавшей в ходе переговоров за ограничение роли и функций СДР в качестве новых «мировых денег» и приданье им более ярко выраженного кредитного характера. Для достижения соглашения американцам пришлось отказаться от ряда инфляционистских элементов СДР. Тем не менее правительство США объявило соглашение о СДР большим успехом в своей финансовой дипломатии. В заявлении президента Джонсона говорилось: «Заложено твердое основание для нового резервного средства, которое дополнит золото, доллары и другие резервные валюты в качестве необходимого орудия платежей для растущей мировой торговли... В условиях, когда США сохраняют безусловное обязательство конвертировать доллары в золото по 35 долларов за унцию и когда будет налицо новая возможность при нужде пополнять резервы, нет каких-либо рациональных оснований опасаться нехватки резервов»¹⁴.

Внедрение СДР не ослабило валютный кризис и не спасло доллар. Торжественные заявления правительства США о незыблемости официальной цены золота и о свободе обмена долларов на золото по этой цене оказались клочками бумаги.

Соглашение о СДР вступило в силу в 1969 г., а в 1970—1972 гг. специальные права на сумму около 9,4 млрд. долл. были распределены между странами-участницами пропорционально их квотам в МВФ. В 1973 г. эти операции были приостановлены в связи с подготовкой более фунда-

¹⁴ «Department of State Bulletin», 25.IX.1967, p. 392.

ментальной реформы международной валютной системы. Внедрение СДР имеет значение как прообраз возможного развития валютной системы капитализма. Единица СДР имеет твердое золотое содержание, и в ней теперь измеряют свою стоимость национальные валюты, в том числе американский доллар. Девальвация и ревальвация валют не меняют золотого содержания единицы СДР, а меняют лишь соотношение валют с этой единицей. СДР имеют ряд других черт, придающих им характер своеобразных международных денег, а не просто новой формы кредита. Страна, использующая выделенные ей СДР, не обязана в принципе погашать эти суммы в каких-то других деньгах. Попав однажды в международный оборот между центральными банками, они остаются в нем и перемещаются лишь со счета одной страны на счет другой. Отсюда возникло название «бумажное золото», которое часто применяют в прессе по отношению к СДР. Роль СДР как подлинных международных денег ограничивается рядом оговорок относительно размеров и форм их использования. В частности, страны, которые по указанию МВФ предоставляют свою валюту в обмен на СДР, обязаны принимать их не безгранично, а лишь до известного предела. С другой стороны, государства с дефицитом платежного баланса, использующие СДР, не могут истратить выделенные им суммы до конца, а обязаны в среднем за пятилетний период поддерживать на своих счетах в СДР остатки не менее 30% выделенной суммы.

Фактическое движение СДР между государствами, участвующими в этой системе, было довольно ограниченным. Что касается развивающихся стран, то многие из них, хронически испытывающие недостаток валюты, очень быстро полностью или почти полностью использовали свои скромные лимиты.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ 70-Х ГОДОВ

Уже подготовка и заключение соглашения о СДР означали, что проблема реформы перешла из сферы более или менее академических проектов и дискуссий в сферу финансово-экономической дипломатии. Хотя продолжают в изобилии появляться новые «плans», в центре внимания теперь находятся уже официальные документы международных организаций и национальных правительств, в которых реформа рассматривается в довольно конкретных чертах.

В 1972—1974 гг. основным органом для валютных переговоров являлся специально созданный в рамках МВФ «комитет двадцати», который заменил собой «группу десяти», включавшую только главные промышленные государства и существовавшую более 10 лет. Это расширение числа стран-участниц было произведено в основном по инициативе США, поскольку в «группе десяти» было сильно влияние стран «Общего рынка», по многим вопросам занимающим позиции другие, чем позиции США. В отличие от «группы десяти», комитет представлял также ряд стран Латинской Америки, Азии и Африки. Однако двухлетняя работа этого комитета закончилась в июне 1974 г. почти полной неудачей. Хотя отдельные пункты будущего соглашения были разработаны за этот период, создать приемлемый для всех заинтересованных государств проект реформы не удалось. «Комитет двадцати» прекратил свое существование, а его функции взял на себя непосредственно руководящий орган МВФ.

Особое место среди документов последних лет по вопросам валютной реформы занимает отчет Международного валютного фонда, подготовленный в качестве основы для переговоров в «комитете двадцати»¹⁵. Этот документ фиксирует более или менее согласованные позиции главных стран, а также расхождения между ними. Главная разделительная линия

¹⁵ «Reform of the International Monetary System. A Report by the Executive Directors to the Board of Governors, IMF». Washington, 1972.

ния в переговорах проходит между Соединенными Штатами (нередко получающими поддержку Англии), с одной стороны, и континентальными странами Западной Европы и Японией, с другой. Вступление Англии в «Общий рынок» еще более усилило фактическую изоляцию США. Осенью 1973 г. стал известен другой документ — согласованный в рамках «комитета двадцати» предварительный проект основных элементов реформы с фиксацией нерешенных вопросов. «Главные черты международной валютной реформы, — говорится в этом документе, — должны включать согласование следующих вопросов: улучшение процесса выравнивания [платежных балансов], включая лучшее функционирование механизма валютных курсов; ограничение и, в случае необходимости, финансирование нарушающих равновесие потоков капитала; введение соответствующей степени и формы обратимости для урегулирования сальдо расчетов; лучшее международное регулирование совокупной ликвидности с превращением СДР в основное резервное средство и уменьшением роли золота и резервных валют; содействие притоку реальных ресурсов в развивающиеся страны»¹⁶.

Имеет смысл рассмотреть эти проблемы по отдельности с определенной перестановкой по сравнению с данным перечнем и с необходимой интерпретацией.

Проблема способов и «бремени» выравнивания платежных балансов имеет особенно важное значение и находится в центре переговоров о реформе. В современной мировой экономике и валютной системе стихийные механизмы выравнивания платежных балансов действуют слабо. Дефицит платежного баланса США сохранялся на протяжении двух десятилетий, не вызывая сколько-нибудь выраженной тенденции к самовыправлению. С другой стороны, много лет имела место активность платежных балансов таких стран, как ФРГ и Япония. Восстановление равновесия платежных балансов практически всегда требует сознательных, целенаправленных действий правительства, проведения определенной экономической политики. При этом возникает ряд вопросов: какие именно страны — имеющие пассивный или активный платежный баланс — должны принимать меры для выравнивания и каким образом можно координировать их действия; как примирить, «гармонизировать» политику регулирования платежного баланса с основными целями и принципами внутриэкономической политики, какие «жертвы» в экономике допустимы ради выравнивания платежного баланса; какие конкретные меры политики могут быть применимы; то ли это будет изменение валютного курса, общее воздействие на спрос в экономике методами финансовой политики, или же прямые меры государственного контроля в области внешней торговли и расчетов. Каждая из этих тесно взаимосвязанных проблем представляет большие сложности и является объектом противоречий между странами.

США в силу особого положения доллара как резервной валюты на протяжении многих лет могли иметь большие дефициты, не принимая решительных мер для выправления платежного баланса. Это положение было весьма благоприятно для них и вместе с тем подвергалось резкой критике со стороны других государств, особенно Франции. Ныне возможности использования вытекающих отсюда привилегий для США в значительной мере исчерпаны. В этих условиях представители США выдвинули тезис о «несимметричности» прежней валютной системы, которая практически освобождала страны с активным платежным балансом от необходимости проводить серьезные меры по выправлению неравновесия, а возлагала ответственность и бремя на страны с дефицитом платежного баланса. На протяжении последних лет США оказывали давление на ФРГ, Японию и некоторые другие государства, стремясь заставить их принять меры, направленные на уменьшение активного сальдо платежного баланса и тем

¹⁶ «Euromoney», October 1973, p. 48.

самым на облегчение положения доллара. Эти меры — ревальвация (повышение курса) валют, расширение импорта, «добровольное» сдерживание экспортной экспансии, увеличение бремени военных затрат и т. д. Давление США дало лишь частичные результаты и имело весьма неблагоприятные политические последствия. Ныне США хотят «встроить» в систему механизмы и правила, которые заставляли бы страны, находящиеся в подобном положении, принимать определенные меры и дали бы Соединенным Штатам формальное право добиваться этого на основе международных соглашений.

Правительство США, в частности, настаивало на том, что другие страны должны содействовать выправлению платежного баланса США путем облегчения условий для экспорта американских товаров и услуг. Уступок в области снижения импортных барьеров Вашингтон добивается в основном от стран «Общего рынка» и Японии. Тогдашний министр финансов США Шульц на сессии МВФ в 1972 г. говорил: «Я должен со всей искренностью заявить, что наши усилия, направленные на улучшение нашей позиции (т. е. платежного баланса. — А. А.), неоднократно наталкивались на нежелание других стран отказаться от неоправданно преференциальной и в высшей мере протекционистской политики на рынках. Но если наши усилия не увенчиваются успехом, мы не можем предоставлять желаемой доли помощи и сокращать свою официальную задолженность иностранным финансовым органам»¹⁷. В экономическом послании президента, направленном конгрессу 31 января 1973 г., позиция США по вопросу о торговле была сформулирована в весьма жестких выражениях. Отметив чрезвычайную важность реорганизации международной валютной системы, Никсон заявлял, что реформа упирается в дефицитность платежного баланса США, а эту трудность невозможно устранить без открытия заграничных рынков для американского экспорта: «Мы не имеем возможности продавать достаточно, чтобы финансировать свои расходы за границей, и поэтому нам приходится расплачиваться, все более увеличивая свою краткосрочную задолженность за рубежом. Такое положение дел не может продолжаться бесконечно; резкое и неожиданное избавление от него может иметь разрушительные последствия. Поэтому мы хотим добиться проведения таких реформ, которые позволят нам достаточно заработать для оплаты наших расходов»¹⁸.

Такая позиция вызвала возражения партнеров США, утверждающих, что активное сальдо их торговли обусловлено вовсе не торговыми барьерами и искусственным форсированием экспорта, а их технико-экономическими и организационными достижениями.

«Комитет двадцати», который должен был примириить эти позиции и выработать какие-то конкретные формулы и процедуры, в том числе принудительные, натолкнулся в вопросе о способах выравнивания платежных балансов на большие трудности. Выдвинутую ранее идею «объективных индикаторов», которые указывали бы на вредные для международной экономической системы диспропорции и давали бы ход заранее согласованным санкциям, не удалось облечь в сколько-нибудь конкретную формулу.

Для обеспечения необходимых стабилизирующих мер предлагается регулярно проводить специальные заседания высшего органа МВФ, который должен рассматривать случаи длительной и вредной для других стран неуравновешенности платежного баланса того или иного государства и рекомендовать необходимые меры. В качестве главного «объективного индикатора» неуравновешенности балансов выдвигается состояние валютных резервов страны.

¹⁷ «The Department of the Treasury News», 26.IX.1972, p. 5.

¹⁸ Цит. по: «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 5, стр. 13—14.

На крайний случай, если страна не принимает необходимых мер, предусмотрены санкции в виде «градуированных средств давления», которые могут применяться лишь по решению высшего органа Фонда. Все эти меры направлены против стран с устойчиво большим активным сальдо, в отношении которых предусматриваются ограничения в области торговли и других текущих операций¹⁹. Эти предложения отражают позицию США, хотя, разумеется, ни в коей мере не предрешают конечный результат в возможном соглашении о реформе.

С проблемой методов и «бремени» выравнивания тесно связан большой вопрос о системе валютных паритетов и курсов. Изменение курса валюты является одним из самых эффективных способов воздействия на платежный баланс. Понижение курса валюты данной страны имеет тенденцию стимулировать ее экспорт, ограничивать импорт и тем самым может улучшать платежный баланс. Именно двукратная девальвация доллара в 1971 г. и в 1973 г. сыграла известную роль в улучшении платежного баланса США. Повышение курса валюты оказывает обратное действие и при прочих равных условиях может уменьшать активное сальдо платежного баланса. Изменение курса валюты затрагивает интересы других стран, а также может иметь важные экономические и социальные последствия для данной страны.

Реформа должна заменить «временную» систему, действующую после потрясений 1971—1973 гг., чем-то «постоянным». Главные капиталистические страны в принципе согласны в отношении того, что новая система валютных паритетов и курсов должна быть более гибкой и лучше способствовать ликвидации неуравновешенности платежей. Считается, что чрезмерная «жесткость» паритетов, стремление оттянуть девальвацию или ревальвацию до последней крайности усиливали вспышки валютных кризисов, особенно вследствие интенсивности потоков краткосрочных капиталов. Помимо ускорения и упрощения процедуры корректировки паритетов считается необходимым сохранить расширенные пределы колебаний рыночных курсов около паритетов, а возможно, и расширить их еще больше. Аргументы в пользу этой меры сводятся к тому, что большая гибкость курсов должна ослабить стимулы для движения краткосрочных капиталов, уменьшить их односторонний характер и сделать менее болезненными изменения паритетов.

Развитие и конкретизация этих принципов применительно к специфическим интересам отдельных стран вызывают большие разногласия. Главная разделительная линия опять-таки проходит между США и их основными партнерами. США хотели бы, чтобы в новой валютной системе были предусмотрены какие-то принудительные механизмы и санкции для стран, которые, имея устойчивый активный платежный баланс, тем не менее отказываются проводить ревальвацию своей валюты. В 1971—1973 гг. это требование было направлено прежде всего против Японии и встретило на сессиях МВФ возражения с ее стороны. Япония, Франция и многие другие страны возражают против перекладывания ответственности за выправление неравновесия в расчетах со странами, допускающих дефицит в платежном балансе, на страны, сумевшие ценой упорных усилий в производстве, сбыте и поддержании устойчивости денег обеспечить благоприятный торговый и платежный баланс.

Помимо таких принципиальных возражений имеется неясность по вопросу о том, каковы могут быть объективные критерии, требующие изменения паритета, кто должен констатировать необходимость изменения, каковы санкции по отношению к странам, не выполняющим рекомендаций МВФ. Разногласия имеются по вопросу о пределах колебаний курсов вокруг паритета, о режиме «плавающих» курсов и т. д.

¹⁹ «Euromoney». October 1973, p. 50.

Важнейшим вопросом реформы является также структура резервных средств (международных денег). Проблема будущего развития обычно рассматривается в категориях выбора между тремя видами резервных средств: золотом, резервной валютой (долларами) и международными деньгами типа СДР. В своем отчете МВФ, выражая точку зрения, которая считается в основном общепринятой, высказывается за СДР. В газетной интерпретации позиция МВФ выглядит так: «Международными деньгами была бы некая форма специальных прав заимствования, иногда называемых бумажным золотом, которые действовали на протяжении последних трех лет как дополнение к золоту и долларам — резервной валюте. При предлагаемой системе СДР заменили бы доллары почти полностью»²⁰. Позиция США тоже исходит из внедрения СДР и постепенной замены ими долларов как резервной валюты. Однако США, формально соглашаясь на постепенную замену долларов как резервной валюты специальными правами заимствования, исходят из того, что доллар еще долго будет фактически выполнять эту функцию.

«Комитет двадцати» попытался перевести принцип внедрения СДР как основного резервного средства и ограничения дальнейшего использования доллара в качестве международных денег на язык конкретных технико-финансовых мер. Он предлагал несколько альтернативных методов решения этих вопросов, которые, однако, еще далеки от согласования. Ориентация на СДР неизбежно означает курс на уменьшение денежных функций золота, прежде всего функции золота как основной формы резервов мировых денег. МВФ в своем отчете отметил, что «имеются различия взглядов на будущую роль золота в этой функции». Однако основной смысл соответствующего раздела отчета состоит в том, что роль золота в будущей валютной системе будет уменьшаться.

США играют ведущую роль в «антизолотой» кампании. Речь идет при этом не о каком-то единовременном акте «демонетизации» золота, а скорее о постепенном процессе, который должен длиться продолжительное время. Эту позицию четко выразил председатель правления Федеральной резервной системы США А. Бернс: «В практическом аспекте мне представляется сомнительным, чтобы сколько-нибудь широкой поддержкой пользовалась идея ликвидации монетарной роли золота в близком будущем. Для многих людей золото остается великим символом надежности и безопасности, и это отношение к золоту едва ли скоро изменится. Тем не менее я ожидаю, что монетарная роль золота будет с годами уменьшаться по мере увеличения специальных прав заимствования»²¹.

Существенным элементом в проблеме золота является наличие двойной цены на золото (официальной и свободной) и резкое повышение свободной цены, которая доходит до 150—160 долл. за унцию при официальной цене 42,22 долл. за унцию (31,1 грамма). Повышение цены золота на свободном рынке до уровня, в несколько раз превышающего официальную цену, не является случайным, конъюнктурным. Может ли валютная система капитализма функционировать долгое время с таким огромным разрывом между официальной и свободной ценой золота? Выходом могло бы быть существенное повышение официальной цены золота. Однако руководители валютной политики стран Запада, особенно США, выступают против этой меры. В отчете МВФ сформулированы главные возражения против повышения официальной цены золота: а) эта мера приостановила бы процесс в сторону «рациональной» валютной системы и подорвала бы СДР; б) повлекла бы крайне несправедливое распределение потерь и выгод между странами и затруднила бы любые соглашения; в) имела бы серьезные инфляционные последствия в мировом масштабе; г) усилила бы не-

²⁰ «International Herald Tribune», 7.IX.1972.

²¹ «Federal Reserve Bulletin», June 1972, p. 547.

устойчивость, поскольку никто не рассматривал бы новую цену как окончательную и рынки ожидали бы новых изменений²².

В валютной политике западных стран проявилась за последнее время и другая тенденция, ведущая к дальнейшему уменьшению экономической роли официальной денежной цены на золото. В этой связи обращает на себя внимание решение, принятое в ноябре 1973 г. США и шестью странами Западной Европы (участниками «золотого пульта» 60-х годов) о разрешении центральным банкам продавать золото из своих запасов на свободном рынке. Это решение рассматривается как подготовка к реформе. Среди ряда вариантов сочетания СДР, золота и резервных валют рассматривается, как возможная альтернатива, полная отмена официальной цены золота.

В рамках реформы капиталистические страны стремятся также найти средства против отрицательных эффектов массовых движений «горячих денег» (частных краткосрочных спекулятивных капиталов). Образование в последние 10—15 лет огромного международного рынка краткосрочных капиталов представляет собой, с одной стороны, проявление растущей интернационализации капиталистического хозяйства и в конечном счете отражает рост производительных сил капитализма. Однако, как и в других областях экономики капитализма, это имеет своим следствием углубление противоречий, увеличивает размах и воздействие кризисов. Отмечая, что переливы капиталов в различных конкретных формах играли очень большую роль в валютном кризисе, МВФ в своем отчете указывает три главные причины этого феномена: увеличение мобильности капиталов в связи с обратимостью валют и развитием денежных рынков; несовпадение экономического цикла и большие различия в уровне процентных ставок между странами; большая неуравновешенность платежных балансов по основным статьям и вероятность изменений валютных курсов, к тому же обычно откладываемых до последней крайности²³.

В рамках валютной реформы встают два ряда проблем: о финансировании резких колебаний платежных балансов, вызванных влиянием переливов капитала, и о предотвращении или ослаблении самих этих переливов. До сих пор отлив капиталов из США финансировался в основном путем накопления долларов в резервах других стран. Однако теперь ясно, что без конца так продолжаться не может. Поэтому стоит вопрос о развитии механизма международного кредита на уровне центральных банков, за счет которого страны, испытывающие бегство капиталов, могли бы обходиться без чрезмерной потери и валютных резервов. Что касается воздействия на сами потоки капитала, то такие меры широко применялись в рамках борьбы с валютным кризисом многими государствами. Но международное сотрудничество в этой области остается лишь предметом обсуждения.

Знамение времени заключается в том, что, независимо от субъективных желаний и интересов, проблему мировой валютной реформы невозможно ныне обсуждать без какого-то учета особых нужд и потребностей развивающихся стран. Во многих случаях для западных экономистов и финансовых практиков упоминание об этом предмете остается лишь, как говорят англичане, формальной словесной данью (*lip service*). Но нередко необходимость связи между реформой и проблемами развивающихся стран признается со всей серьезностью. На сессии МВФ в 1972 г. Шульц, в то время министр финансов США, не забыл упомянуть, что «интересы развивающихся стран будут полностью отражены в дискуссиях о реформе валютной системы»²⁴. Отчет МВФ содержит несколько ориентировочных вариантов увязки реформы с нуждами развивающихся стран, причем все эти варианты сводятся к каким-то льготам для них при дальнейшем распределении СДР. Впрочем, эти предложения снабжены оговорками, делающими их реальность еще более сомнительной. В частности, фак-

²² «Reform of the International Monetary System...», p. 36.

²³ Ibid. p. 41.

²⁴ «The Department of the Treasury News», 26.IX.1972, p. 3.

тически ставится под вопрос совместимость таких льгот для слаборазвитых стран с «эффективным функционированием международной валютной системы, и особенно с ростом СДР как главного вида резервов»²⁵. «Комитет двадцати», по-видимому, не пошел дальше общей констатации необходимости содействовать притоку средств в развивающиеся страны.

Хотя к сентябрю 1973 г., когда состоялась очередная сессия Совета управляющих МВФ в Найроби (Кения), не было согласованного проекта реформы, участникам сессии представлялось, что в течение следующего года такой проект может быть окончательно разработан. Теперь трудно сказать, насколько этот оптимизм был оправдан. Энергетический кризис смешал карты валютных реформаторов и задал им новые загадки. Необходимость изыскания дополнительных значительных ресурсов для оплаты импорта нефти ставит многие страны капитализма перед угрозой длительного периода неустойчивости экономики и структурной дефицитности платежных балансов. Призрак экономического спада отодвинул на второй план вопросы, связанные с обеспечением длительного функционирования валютного механизма, и заставил искать временные меры, способные приглушить сегодняшние острые противоречия.

В этой обстановке большинство финансовых экспертов и государственных деятелей Запада признают, что «плавающие» курсы со значительными колебаниями важнейших валют сохранятся на продолжительное время. Целый ряд проблем, связанных с восстановлением твердых паритетов, по-видимому, отложен в долгий ящик. Некоторые вопросы выравнивания платежных балансов, как они ставились вчера, уже устарели. Сегодня идет поиск способов финансирования дефицитов платежных балансов промышленно развитых капиталистических стран за счет долларовых накоплений стран-экспортеров нефти. Как считают финансисты на Западе, в течение ряда лет диспропорции платежных балансов во всем мире будут в основном в пользу как раз этой группы стран, на которую не предусматривалось распространение принципа «симметричной ответственности». Применение же этого принципа к остальным капиталистическим странам, чьи платежные проблемы будут определяться в основном нефтью, не имеет смысла.

Серьезное опасение партнеров США вызывает возможность возрождения гегемонии доллара в новой валютной системе. США спешат использовать эффект нефтяного кризиса, чтобы хоть отчасти вернуть своей валюте былые привилегии. Однако в изменившемся мире 70-х годов это не так просто сделать. Целый ряд мероприятий, проведенных капиталистическими странами в ходе валютных потрясений, затрудняет возвращение к старым порядкам.

Все это не означает прекращения поисков какой-то фундаментальной реформы валютной системы, способной обеспечить в относительно долгосрочном плане условия развития мирового капиталистического рынка. Однако сложность связанных с подобной реформой проблем и острота накопившихся противоречий привели к тому, что многочисленные попытки, предпринятые в этом направлении, оказались безуспешными.

Многостороннее государственно-монополистическое регулирование международной валютной системы представляет собой в современных условиях объективную закономерность и обусловлено коренными тенденциями развития капитализма. В этом смысле имеют под собой определенное основание проекты мировой валютной реформы и практические меры в этом направлении. Не случайно и то, что эволюция валютной системы идет в основном в сторону известной интернационализации платежно-резервных средств, включая и уменьшение роли золота, воплощающего стихийные, неконтролируемые механизмы регулирования международных платежей. Эта тенденция наталкивается на большие препятствия и противо-

²⁵ «Reform of the International Monetary System...», p. 52.

речия, но, тем не менее, она является реальностью, с которой необходимо считаться. Анализируя более 100 лет назад роль золота в экономике капитализма и взгляды тогдашних буржуазных экономистов и практиков-финансистов, К. Маркс писал «об ужасающем проявлении во время кризисов этого характера «оси», т. е. ситуации, при которой вся внутренняя кредитно-денежная и международная валютная системы опираются на золотые запасы центральных банков. Называя имена видных экономистов 30—50-х годов прошлого века, Маркс говорил, что они «признают необходимость огромных жертв реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис»²⁶.

Но жертвы, которые были экономически и социально-политически реальны в те далекие времена, теперь невозможны. На Западе не без основания распространено мнение, что современный капитализм не пережил бы экономических потрясений таких масштабов, как кризис 1929—1933 гг.

Тенденция к многостороннему государственно-монополистическому регулированию валютной сферы ограничивается объективными факторами в капиталистической экономике и всей общественной структуре. Буржуазные теоретики в последние годы усиленно разрабатывают для международной валютной сферы проекты полной «гармонизации», мирового сверхрегулирования. Эти идеи представляют собой по существу новое выражение и конкретизацию применительно к кредитно-денежной и валютной сфере известной концепции ультраимпериализма, в свое время подвергшейся критике В. И. Лениным.

Капитализм на монополистической стадии, несомненно, порождает тенденцию к международному переплетению капитала, к образованию гигантских трестов, охватывающих своей деятельностью ряд стран и весь капиталистический мир. С этим связана и тенденция к образованию банков, действующих в мировых масштабах. В современных условиях такая тенденция еще более усиливается. На этой основе возможны и действительно развиваются известные формы валютно-финансового сотрудничества и регулирования в наднациональных масштабах.

Однако дело никогда не может дойти до единого мирового треста, как оно не может дойти и до мирового капиталистического государства. Пока существует капитализм, невозможен и «мировой сверхбанк» с широкими функциями наднационального регулирования, невозможна и единая валюта в смысле единой системы денежного обращения. Даже робкие попытки некоторой валютной унификации в рамках «Общего рынка» натолкнулись на непреодолимые трудности и противоречия.

Как указывал В. И. Ленин, «развитие идет в направлении к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,— отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»²⁷. Коренные причины валютного кризиса заключаются в углублении общего кризиса капитализма, вызывающем подрыв экономических и политических позиций капитализма в мире. Валютный кризис усиливает неустойчивость капиталистической экономики, способствует углублению социальных антагонизмов и обостряет межимпериалистические противоречия.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 120.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 98.